

ТАТЬЯНА ИВАНОВА,
кандидат филологических наук

«АЙ, ДА СЛАВНЫЙ, КРАСНЫЙ ПИТЕР...»

ГОРОДСКАЯ ЧАСТУШКА ВРЕМЕН РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В обширном фонде известного русского этнографа Д. К. Зеленина Санкт-Петербургского отделения архива Российской Академии наук хранятся две папки, озаглавленные «*Политическая частушка. Ч. 1—2*». Здесь сосредоточены записи самого Д. К. Зеленина и рукописи его многочисленных корреспондентов.

Наше внимание привлекли частушки, собранные Л. А. Куриловой в августе 1922 года в Петрограде¹. Тексты записаны с соблюдением просторечных особенностей говора исполнителей, многие слова отмечены ударениями — все это говорит о том, что она была если не опытным, то, во всяком случае, в достаточной степени подготовленным собирателем устной народной поэзии.

Материал Куриловой во многом может считаться уникальным.

Названная коллекция частушек собрана в самом Петрограде, а не в близлежащих деревнях. Перед нами городской фольклор: голос улицы, подслушанный собирательницей в переломные годы русской истории.

Ценность материала и в его безусловной объективности. Записей Куриловой не коснулась ни рука редактора, ни внутренняя цензура, которой столь часто руководствовались фольклористы в 1930-е годы, вполне ясно осознававшие требования тоталитарного режима. Сама Курилова, судя по некоторым комментариям к частушкам, отнюдь не была сторонницей новой власти. Тексты антисоветской направленности воспринимались ею явно одобрительно. Однако собирательница фиксировала и частушки просоветской ориентации.

И наконец, предлагаемый читателю материал примечателен еще тем, что позволяет проследить, как менялись симпатии и антипатии улицы от месяца к месяцу.

Николай II у низов популярностью явно не пользовался. Отречение царя от престола воспринимается не просто с радостью, а с нескрываемым злорадством:

*Ай, да славный, красный Питер:
Николашке нос он вытер.
Революция час настал,
Николашка забегал.*

Но созданное Временное правительство чаяний на-

родных не оправдало. Быстрого решения проблем не предвиделось. А толпа нетерпелива, и практически сразу же после образования первого состава Временного правительства его министры — П. Н. Милюков и А. И. Гучков — стали объектом уличной сатиры. Слово же «большевик» оказывается символом надежды петроградских низов:

*Убирайтесь к черту, черти!
Расстреляем вас до смерти!
Милюков и ты, Гучков!
Надо нам большевиков.*

К июлю 1917 года образы большевистских лидеров, обещавших народу быстрое благоденствие, — В. Ленина и Л. Троцкого входят в уличную поэзию:

*Эх, июльские денёчки,
Светлы дни да жарки ночи!
Ленин Троцке вести шлёт:
«Скоро наша возьмёт»².*

Второй состав Временного правительства, которое с 8 июля возглавил министр-председатель А. Керенский, вызвал в питерской революционизированной толпе откровенно враждебные настроения:

*Вот чертовские напасти:
Вы уйдете ли от власти?
А не то, живей, матросы,
Мы покажем вам, барбосы³.*

Сам же А. Керенский в политической частушке Петрограда поздней осени 1917 года — персонаж сугубо сатирический. Частушка охотно подхватывает известный слух о том, что глава Временного правительства якобы бежал из Зимнего дворца в женском платье:

*Ну и трус же ваш Керенской:
Разрядившись в кохте женской,
Запрягает лошадей
И в Финляндию скорей.*

Октябрьский переворот петроградская чернь встречает с радостью. Фигура большевика становится привлекательной; низы готовы присоединиться к новым политическим лидерам. Впрочем, как и во всякой революции, толпу прельщает прежде всего дух разрушения, анархии, замешенной на антисемитизме:

*То-то щастя, то-то радость:
Мы прогнали эту гадость⁴.*

*Надо нам сначала пить,
А потом жидов побить.
Хоть теперь я большевик,
А к жидам все не привик.*

Слово «октябрь», как символ социальной справедливости, очень скоро вошло в сознание определенной части петроградцев. Торжественные празднования Октябрьской революции, организованные с большой помпой уже в первую годовщину, вызывали у многих искреннюю радость:

*Мы не спали долги ночи,
Шили красные платочки.
И взошла наша заря
В день счастливый Октября.*

Праздники нравились. Нравились кумачовые знамена, транспаранты, красные платочки, торжественные шествия; радовала невиданная ранее дерзость — купание ребятишек в Неве напротив Зимнего дворца:

*Ишь, собачьи-то лица,
Спинсы⁵ как ругаются:
На набережной столицы
Мальчишки купаются.*

*Эх, вы, спинсочки,
Собачоночки,
Возле вас сидят
Все девчоночки.
Вид у вас страшной,
А на каждой девочке —
Платочок красной⁶.*

Будущее рисовалось светлым. Казалось, что автомобили и аэропланы — завидная недосыгаемая роскошь буржуазии — приблизились к представителям петроградской бедноты:

*Как врага мы победим,
На машине полетим.
Ух, как хочется мне, страсть,
В грузовик большой попасть.*

Однако приведенные выше частушки рождались в среде, которую принято было называть сознательными пролетариями. В глазах же большинства питерцев торжественные революционные праздники и обещания светлого будущего не заслоняли тяжелейшей реальности: крови, смерти, разрухи, голода, неустроенного быта:

*Задача незадачная —
Ни палки на бугре.
Продал штаны удачно я
В Апраксином дворе⁷.*

*Родился у жены ребенок,
Слабый, как котенок.
Ей питанье нужно дать,
Нет у хлеба: где достать?*

*С сахаринном чай попьешь —
Завтра к вечеру помрешь.*

*Самолучшая повадка —
Пить чай с сахаром вприглядку.*

Опасное сравнение — сейчас и при царе — естественно, заставляло горожанина искать виновных среди представителей существующей власти. Имена Ленина и Троцкого теперь зазвучали в ином контексте:

*Получил паёк у Плоцкого⁸
Воблу и треску.
Дал бы ею Лёвке Троцкину
В самую башку.*

Судя по материалам Л. А. Куриловой, в частушках

«Наркомвоенмор» Л. Троцкий и юный буденновец.

была тогда продуктивной модель «Ленин (Троцкий) Троцкому (Ленину) сказал», состоящая из двух парных песенок.

*Троцкий Ленину сказал:
«Я б буржуев наказал:
Выселение, уплотнение;
Среди белого дня ограбление».*

*Троцкий Ленину сказал:
«Пойдем, Володя, на базар,
Купим кобылу карюю,
Накормим пролетарию».*

*Троцкий Ленину сказал:
«Ты бы русских в шею гнал.
Ведь еврей — поумней,
Всё б наладилось скорей».*

Ленин Троцке отвечал:
*«Я б с тебя сейчас начал.
 Ты хоть жид, а дуралей,
 Выкидайся поскорей».*

Ленин Троцкину сказал:
*«Ты б мне русских показал.
 Ну, а то — не будь в обиде,
 Что за царство? Жид на жиде!»*

Уже в период гражданской войны большевики пытались решить экономические проблемы за счет церковных ценностей. Экспроприация церквей и монасты-

*А громко называется —
 Изъятие церквей.*

*Мы все большевики,
 Я не лицемерю,
 Только знайте, дураки:
 Я у Бога верю.*

В 1921 году большевики объявили новую экономическую политику. Началась определенная стабилизация экономики, страна выходила из разрухи гражданской войны. Но нэп воспринимался питерцами (и отчасти справедливо) как возврат к дореволюционному иму-

*Ленинград, 1924 г.
 Невский проспект. Уличная сценка.*

рей и активная атеистическая пропаганда болезненно воспринимались массами. Народ был оскорблен в своих идеальных чувствах и не верил в нравственную чистоту начинаний властей, ополчившихся против религии:

*Всю ночь до нас таскаются
 Сrebro в больших кулей.*

щественному расслоению общества. С одной стороны, появился «толстопузый купчина», которому доступно все, а с другой — «обдуренная пролетария», для которой нэповские лавки и магазины оказались не по карману:

*Идет купчина толстопузый
 В Гостиный двор снов торговать,*

*И будут снов все те же тузы
Пролетарию страшно жать.*

На долю петроградских масс и во времена процветания нэпа достаются только «хвосты» очередей за дешевыми продуктами и товарами.

*Надоели мне хвосты,
Все коперативы.
Поломались мосты
Через те мотивы.*

Петроградская толпа была нетерпелива. Светлым, справедливо считала она, должно быть настоящее, а не будущее. И даже первые, робкие признаки стабилизации жизненного уклада воспринимаются обывателем, кажется, с иронией:

*Мы идем все на гору,
Я, к примеру,
Купил пудик сахара
Да и шифоньеру.*

В материалах Куриловой петроградская улица 1917—1922 годов предстает во всем ее многоголосии, в полифонии мнений, суждений, сиюминутных настроений. Записи собирательницы свидетельствуют, что в период революции и гражданской войны русская народная частушка была чрезвычайно политизирована. Этот жанр, благодаря своей мобильности, оказался очень удобным для выражения народом своих политических симпатий и антипатий. Однако это не означает, что любовная тематика — изначально главная в «коротушках» — исчезает. Рядом с традиционным образом «милки» появляются реалии политической жизни города и лексика ораторов-пропагандистов:

*Вправде стало ожиданье:
Нету более царя.
Стречу милку на свиданьи
На проспекте Октября⁹.*

Впрочем, подобного рода произведения народной поэзии рождались, по-видимому, лишь в среде сознательных пролетариев. Большинство же горожан находились в смятении. Комиссары, матросы, большевики, офицеры, юнкера — все предлагали народу свою правду. Любовная частушка Петрограда периода гражданской войны отражает растерянность и одновременно бесшабашную отчаянность героини уличной поэзии:

*Нам-то, бабам, революция
Только на беду.
Комиссара поцелую,
С охвицером спать пойду.*

Однако ход исторических событий неумолимо подсказывал героине частушек необходимость опереться на тех, кто оказался победителем в гражданской войне. Место юнкеров и офицеров в ее изменчивом сердце прочно занимают матросы и большевики:

*Говорила мне Наташа:
«Ну и глупая ты, Даша,*

*Любишь ты большевиков —
Нету лучше моряков».*

*Насмехалась мне Даша:
«А ты, глупая Наташа,
Любишь грубых моряков,
То ли дел — большевиков».*

Л. А. Курилова к этим двум частушкам дает следующий комментарий: «*Матросы Балтийского флота, поддерживавшие сначала большевиков, начали потом относиться к ним критически и выступали против них, как анархисты*». По всей видимости, эти коротушки косвенно отражают события марта 1921 года, названного советскими историографами Кронштадтским мятежом. В конфликте, который произошел в революционном лагере, балтийские моряки, опора большевиков в 1917 году, были побеждены, а значит, частушечной героине надо было прислониться к плечу единственного победителя — большевика. Да и здравый смысл подсказывал практичной и рассчетливой девушке, что романтический образ революционного моряка имеет мало общего с идеалом стабильной семейной жизни:

*В воскресенье повенчался,
А во вторник с ней подрался,
В среду утром взял развод
И пошел на пароход.*

Счастливый билет вытягивает та женщина, чей муж становится комиссаром:

*Ну и радая Наташа:
Будя есть без хлеба кашу!
*Хозяную так, что на:
Комиссарова жена¹⁰.*

Тех же, кто не смог пристроиться рядом с комиссаром, частушка награждает нелестным эпитетом «дура»:

*Шура дура-тамадура,
Полюбила цикатуру.
Щикатур — вумный он —
Продал милку за миллион.*

Впрочем, в отношении нравственности и элементарной порядочности «партийцев» у лирической героини частушек никаких иллюзий нет:

*Рыжий Васька назначается
Партией наборщиком.
Ну, таперича достанется
Славеньким фальцовицицам.*

Жизненный опыт показал, что новая власть не только безнравственна, но и некомпетентна. Безграмотный совработник, пришедший на смену ненавистному когда-то царскому чиновнику, очень скоро становится предметом сатирического осмеяния:

*Дело дано мне одно:
Все теперь я смею,
Только горе вот одно —
Писать не умею¹¹.*

Кое-кто из тех, кто успел войти во власть, осознав свою некомпетентность, заявляет о своем уходе со службы:

*Ухожу от вашей службы:
Не могу фамиль писать.
Лучше нет на свете дружбы,
Как с девчонкой ночь гулять.*

К 1922 году закончилась гражданская война и с ней одна из эпох напряженной политической жизни России. Частушка, на протяжении нескольких лет жестко ориентированная на отображение социальных потрясений в стране, наконец-то получала возможность вер-

3. Комментарий Л. А. Куриловой: «Эпитеты относятся, по-видимому, к Временному правительству, против которого особенно враждебно были настроены матросы».

4. Комментарий Л. А. Куриловой: «Очевидно, Временное правительство».

5. Комментарий Л. А. Куриловой: «Сфинксы перед Академией художеств в Петербурге».

6. Комментарий Л. А. Куриловой: «Вероятно, во время какого-нибудь революционного шествия участницы его отдыхали на пьедесталах сфинксов».

7. Комментарий Л. А. Куриловой: «Апраксин двор или рынок в Петербурге то же, что Сухаревка в Москве или Благбоз в Харькове».

Коммерческий ресторан в гостинице «Европейская» периода нэпа.

нуться к своей извечной теме — любви. Следующий всплеск интенсивности политической мысли в частушках произойдет в начале 1930-х годов, в период коллективизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ф. 849. Оп. 1. Д. 562. Л. 487—526. В публикации сняты фонетические особенности речи исполнителей.

2. Комментарий Л. А. Куриловой: «Июльские дни в Петербурге 5—7 июля 1917 г. — первая попытка большевистского переворота».

8. Комментарий Л. А. Куриловой: «На заводе Плотскина (кажется, кожанном) выдавали в 1918 г. испорченную воблу в паек рабочим».

9. В 1918 году Невский проспект в Петрограде был переименован в проспект Октября; старое название возвращено улице в 1944 г.

10. Примечание Л. А. Куриловой: «Намек на сытую жизнь комиссаров в то время, когда все остальное население Петербурга не имело даже хлеба».

11. Комментарий Л. А. Куриловой: «Высмеивается, очевидно, безграмотность стоящих у власти».